

Добряков И.В. Перинатальная психология. / И.В. Добряков. – СПб: Речь, 2004. – 368 с.

Золотова И.А. Ресурсы женщины в раннем послеродовом периоде, связанные с заболеванием новорожденного. / И.А. Золотова, С.А. Хазова // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 158–167.

Пергаменик Л.А Перинатальная потеря как кризисное событие в жизни женщины. / Л.А. Пергаменщик, Е.А. Петражицкая // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2020. – № 1. С. 77–84.

**STUDY OF THE COGNITIVE AND EMOTIONAL COMPONENTS
OF A WOMAN'S SUBJECTIVE PERCEPTION OF A LIFE SITUATION
ASSOCIATED WITH THE BIRTH OF A CHILD WITH A DISEASE
IN THE NEONATAL PERIOD**

Zolotova I.A., Belova E.A.

Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl)

Abstract. The article reveals the importance of a woman's cognitive and emotional response to a child born with a disease in the neonatal period. A distinctive feature of the main and control groups is the presence or absence of experience of perinatal losses in the anamnesis. The presence of perinatal loss in the anamnesis of a woman affects the formation of a certain type of PCGD, as well as her attitude towards the unborn child. Women with a history of perinatal loss and women without perinatal loss experience show different levels of expectation and resolution of the situation associated with the disease of the newborn.

Keywords: disease in the neonatal period; attitude towards the newborn; experience of perinatal losses; the level of expectation of the situation; solvability of the situation.

**МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ:
РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЛИЦИТНЫХ И ИМПЛИЦИТНЫХ
КОНТЕКСТОВ**

Золотухина А.А., Крюкова А.П., Агафонов А.Ю., Сермакшева О.А.

Самарский национальный исследовательский университет им. академика
С.П. Королева (г. Самара)

zolotukhina.aa@ssau.ru, aa181067@yandex.ru, kryukova.1991@bk.ru,
oksana.10.s@mail.ru

Аннотация. В исследовании проверялась зависимость решения когнитивных задач от типа взаимодействия кратковременного (осознаваемого) и уль-

трактуют временного (неосознаваемого) семантических контекстов. Показано, что контекстуальные условия формируют ментальное состояние готовности к поиску решения в установленном контекстом русле. Аддитивный эффект при взаимодействии контекстов обнаружен при кооперации (конгруэнтности) контекстов и их релевантности искомому решению. При конфликтных условиях взаимодействия суммарная сила контекстуального влияния на решение задачи заметно снижается.

Ключевые слова: когнитивная деятельность, ментальное состояние готовности, взаимодействие контекстов.

В когнитивной психологии установлены различные эффекты контекстуальной опосредованности познавательной продуктивности. В диапазоне сенсорно-перцептивных форм презентации к таким эффектам относят явления светового и хроматического контрастов, эффекты ассилиятивных и контрастных иллюзий, эффекты предшествования и др. Начиная с работы Д. Годдена и А. Бэддели, роль контекстуальных факторов активно изучают в психологии памяти. Эффект контекстно-зависимой памяти выражается в том, что извлечение информации происходит эффективнее в тех же условиях, в которых происходило кодирование (Coveney, Switzer, Corrigan, Redmond, 2013). Кроме того, роль контекста может играть и эмоциональное состояние человека, что выражается в эффекте конгруэнтности (Сысоева, 2004). В исследованиях внимания достаточно широко используют экспериментальную парадигму «контекстуальных подсказок»: обнаружение целевого стимула происходит быстрее, если он предъявляется в повторяющейся конфигурации дистракторов, даже если этот контекст не осознается (Chun, Jiang, 1998).

Между тем, контексты не всегда оказывают позитивное влияние на решение задач. К негативным эффектам контекста можно отнести функциональную фиксированность – эффект, обнаруженный в известных экспериментах К. Дункера, а также феномен операциональной ригидности («барьер прошлого опыта»), описанный Лачинсами.

Что объединяет столь, казалось бы, разные по своей когнитивной природе эффекты? На наш взгляд, контекст формирует определенное ментальное состояние готовности субъекта в процессе познавательной деятельности, ориентируя поисковую активность. Это состояние сопряжено с бессознательными ожиданиями относительно нахождения искомого решения в заданном контекстом направлении. Неслучайно, контекстуальную обусловленность сознательных актов рассматривают как эффект, родственный феномену установки. Так, по мне-

нию Б. Баарса, прайминг и установочные явления – не что иное, как видовые разновидности эффекта контекста (Baars, 1989).

Контекстуальные взаимодействия – отдельное направление исследований в обозначенной проблемной области. Важность изучения эффектов кооперации и диссоциации контекстов продиктована тем, что нередко познание осуществляется в разных, одновременно заданных контекстах, которых могут различаться по временной длительности (ультракратковременные, кратковременные и устойчивые), степени осознания (эксплицитные и имплицитные), модальности, локализации, релевантности искомому решению, однородности.

Проведенное нами исследование было нацелено на выявление зависимости решения когнитивной задачи от характера взаимодействия контекстов. Варьировались два параметра: семантическая релевантность контекстов искомому решению целевого задания и тип контекстуального взаимодействия (кооперация или конфликт).

Согласно гипотезе, фасилитирующий эффект взаимодействия будет обнаружен в условиях кооперации ультракратковременного контекста (УКК) и кратковременного контекста (КК) при их семантическом соответствии решению когнитивной задачи.

В эксперименте принял участие 121 испытуемый (80 женщин, возраст испытуемых от 17 до 33 лет). Выборка была разделена на пять групп: четыре экспериментальных (ЭГ1–ЭГ4) и одну контрольную (КГ).

Участникам предлагалось решить 15 анаграмм (по три задания в каждом из пяти блоков), которые последовательно предъявлялись на экране. Таким образом, КК в каждом блоке был задан словами, которые являлись решениями анаграмм. Для разных блоков использовались разные категории («зима», «животные» и пр.). Например, в первом блоке необходимо было решать анаграммы, ответами для которых были слова: «холод», «снег», «лёд». Время на решение каждой анаграммы лимитировалось (не более 30 сек). После третьей анаграммы в каждом блоке задавался УКК: на 40 мс в центре экрана предъявлялся прайм с последующей зрительной маскировкой. Прайм-стимулом являлось слово, которое или было семантически релевантно КК (конгруэнтное условие), или иррелевантно (конфликтное условие). Мaska экспонировалась на 100 мс. После этого испытуемый должен был выполнять целевое задание, в качестве которого выступала задача «дополнение основы слова до целого». Например, требовалось как можно быстрее подобрать слово к основе «_ул_а». (Решением является слово «булка»). Использовались следующие задания: «_оро_», «_урн_р», «_и_ан», «_о_ка», «_ул_а». Некоторые из них предполагали единственное ре-

шение (например, «_урн_р» / «турнир»), другие имели несколько потенциальных решений («_и_ан» / «диван» или «тиран»). Выполнив задание, испытуемый нажимал клавишу «пробел» и называл слово. Фиксировались время реакции (ВР) и ответ испытуемого.

В зависимости от семантической релевантности целевой задаче и конгруэнтности / конфликтности контекстов, условия в группах различались. КК и УКК были конгруэнтны и релевантны решению целевой задачи в ЭГ1. Контексты конгруэнтны и иррелевантны решению в ЭГ2. В ЭГ3 и ЭГ4 контексты были в конфликтном взаимодействии. КК релевантен решению целевой задачи, а УКК иррелевантен в ЭГ3. В ЭГ4, наоборот, КК иррелевантен решению, а УКК релевантен. В КГ контексты были иррелевантны решению и диссоциированы между собой.

Результаты и их обсуждение. После удаления выбросов проводился дисперсионный анализ. Для конгруэнтных контекстов по фактору «релевантность / иррелевантность» анализ результатов показал значимые различия. ЭГ1 существенно быстрееправлялась с выполнением целевых заданий по сравнению с ЭГ2: $F(1; 48) = 6,462$; $p = 0,014$. Анализ по фактору «конгруэнтность / конфликтность» проводился с данными испытуемых ЭГ1, ЭГ3 и ЭГ4. Установлена зависимость времени решения от характера взаимодействия контекстов: $F(2; 69) = 7,017$; $p = 0,001$. При этом следует отметить, что иррелевантность КК решению целевой задачи значимо замедляет время ее выполнения: $F(1; 41) = 6,122$; $p = 0,03$.

Сравнение показателей ЭГ1-ЭГ4 с данными испытуемых КГ проводилось с помощью *t*-критерия Стьюдента. Выявлено, что время реакции в ЭГ1 и ЭГ3 достоверно меньше, чем в КГ: ЭГ1 ($t(44) = 4,215$; $p = 0,001$), ЭГ2 ($t(43) = 1,056$; $p = 0,297$), ЭГ3 ($t(43) = 2,852$; $p = 0,007$), ЭГ4 ($t(40) = 1,686$; $p = 0,1$).

Для тех целевых заданий, которые предполагали более одного решения, проводился отдельный анализ данных. Сравнение количества контекстно связанных и альтернативных решений осуществлялось с помощью критерия χ^2 -Пирсона. Результаты показали, что в ЭГ1, где контексты являлись конгруэнтными и, вместе с тем, релевантными одному из потенциальных решений, «контекстных» ответов было значимо больше. В свою очередь, результаты, полученные в КГ, обнаружили обратное соотношение между «контекстными» и альтернативными решениями: ЭГ1 ($\chi^2 = 7,84$; $p < 0,01$), ЭГ2 ($\chi^2 = 2,532$; $p > 0,05$), ЭГ3 ($\chi^2 = 0,094$; $p > 0,05$), КГ ($\chi^2 = 6,5$; $p < 0,05$).

Далее, для тех целевых заданий, которые имели несколько вариантов решения, был проведен анализ времени реакции. Сравнивалось время выполнения заданий, решениями которых были слова, семантически релевантные контекстам

(например, «мороз»), и время решений, иррелевантных контекстам. Обработка проводилась с помощью *t*-критерия Стьюдента для связанных выборок. Было выявлено, что испытуемые ЭГ1, ЭГ2 и ЭГ3 значимо быстрее находили ответ, соответствующий контексту, по сравнению с другими решениями: ЭГ1 (*t* (21) = 7,426; *p* = 0,001), ЭГ2 (*t* (29) = 3,36; *p* = 0,002), ЭГ3 (*t* (38) = 2,725; *p* = 0,01). В КГ значимых различий не было обнаружено: *t* (24) = 0,579; *p* = 0,567. (В ЭГ4 релевантных контексту решений не было, поэтому анализ не проводился).

Результаты эксперимента продемонстрировали, что влияние контекстуального взаимодействия на решение когнитивной задачи, зависит и от типа взаимодействия контекстов (конгруэнтность или конфликтность), и от их семантической релевантности искомому решению. В ситуации, когда осознаваемый и неосознаваемый контексты конгруэнтны и, вместе с тем, семантически соответствуют решению целевой задачи, наблюдается усиление контекстуального воздействия или, иначе, увеличение суммарной мощности контекста. Этот эффект можно назвать аддитивным эффектом взаимодействия контекстов. Аддитивность также проявилась в сокращении времени контекстуально релевантных решений. Негативный эффект обнаружен в условиях, когда контексты находились в конфликтном взаимодействии. Вместе с тем, семантическая релевантность осознаваемого контекста оказывает более существенное фасилитирующее влияние на решение задач, что вполне согласуется с ранее полученными данными (Агафонов, 2007).

Важно заметить, что в созданных экспериментальных условиях контексты являлись внешними, а потому сами по себе они, конечно, не могут рассматриваться в качестве ментальных состояний. Роль контекстов заключается в формировании определенного «познавательного состояния» (А.О. Прохоров), которое, в свою очередь, выполняет регулирующую функцию, направляя поиск решения в контекстуально установленном русле. Иначе говоря, ментальное состояние готовности возникает как следствие контекстуального давления и может служить как когнитивным ресурсом, так и препятствием в процессе познавательной деятельности.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01040, <https://rscf.ru/project/23-28-01040/>

Литература

Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. 2-е изд. / А.Ю. Агафонов – Сысюмар: ИД «Бахрах-М», 2007. – 336 с.

Сысоева Т.А. Влияние эмоционального состояния на мнемические процессы: эффект конгруэнтности. / Т.А. Сысоева // Социальный интеллект: тео-

рия, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 89–105.

Baars B. A cognitive theory of consciousness. / B. Baars. – California: Cambridge University Press, 1989. – 448 p.

Chun M.M. Contextual cueing: Implicit learning and memory of visual context guides spatial attention. / M.M. Chun, Y. Jiang // Cognitive Psychology. – 1998. – № 36 (1). – P. 28–71.

Coveney A.P. Context dependent memory in two learning environments: The tutorial room and the operating theatre. / A.P. Coveney, T. Switzer, M.A. Corrigan et al. // BMC Medical Education. – 2013. – № 13 (1). – URL: <https://bmcmdeduc.biomedcentral.com/articles/10.1186/1472-6920-13-118>. (дата обращение: 16.10.2023)

MENTAL STATE OF READINESS IN PROBLEM SOLVING: THE ROLE OF INTERACTION BETWEEN EXPLICIT AND IMPLICIT CONTEXTS

Zolotukhina A.A., Kryukova A.P., Agafonov A.Yu., Sermaksheva O.A.

Samara National Research University named after Academ.

S.P. Korolev (Samara)

Abstract. The research verified the dependence of cognitive problem solving on the interaction type between short-term (conscious) and ultra-short-term (unconscious) semantic contexts. The contextual conditions form a mental state of readiness in order to search for a solution in the contextually established direction. The additive effect in the context interaction was found in case of cooperation (congruence) of contexts and their relevance to the sought solution. Under conflicting conditions of interaction, the total strength of contextual influence on problem solving is noticeably reduced.

Keywords: cognitive activity, mental state of readiness, context interaction.

ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА: ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОЛУЧЕННЫЙ ОПЫТ

Зырянова Н.М., Черткова Ю.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
(г. Москва)

nzyr@mail.ru, y_chertkova@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты ретроспективного анализа представлений о ситуации коронавирусной инфекции, факторов, связанных с этими изменениями, после официального завершения пандемии. Основные ме-